

Кшиштоф Занусси

KRZYSZTOF ZANUSSI

Strategie życia

*czyli jak zjeść
ciastko i je mieć*

Кшиштоф Занусси
Как нам жить?
Мои стратегии

Перевод с польского
Дениса Вирена

издательство АСТ
Москва

УДК 791.44.071.1(438)
ББК 85.373(3)-8
3-28

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Занусси, Кшиштоф.

3-28 Как нам жить? Мои стратегии / КШИШТОФ ЗАНУССИ ; пер. с пол. Д. ВИРЕНА. —
Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2017. — 336 с.

ISBN 978-5-17-095121-5

Кшиштоф Занусси — выдающийся режиссер, сценарист и продюсер. Один из ярких представителей “кино морального беспокойства”, автор классических фильмов “Иллюминация”, “Защитные цвета”, “Год спокойного солнца”... Автор ряда книг мемуарно-публицистического характера, из которых на русский язык переведены “Пора умирать” и “Между ярмаркой и салоном”. В новой книге основные события биографии автора становятся поводом для философских размышлений, прежде всего этического характера, а включенные в текст фрагменты его замечательных сценариев, в том числе и нереализованных, иллюстрируют различные тезисы автора и заставляют задуматься о возможностях, предоставляемых человеку судьбой. О том, сколькими способами можно прожить жизнь, и есть ли среди них наиболее правильный?

УДК .44.071.1(438)
ББК 85.373(3)-8

ISBN 978-5-17-095121-5

- © Krzysztof Zanussi, 2016
- © Cover photo by Karolina Miadowicz and Michael Tokarczuk
- © Д. Вирен, перевод на русский язык, 2017
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2017
- © ООО “Издательство АСТ”, 2017
- Издательство CORPUS ®

Содержание

<i>Предисловие</i>	7
Глава 1 Детство, безгрешное, вешнее. Молодость... ..	31
[▶ “Контракт”]	38
[▶ “Темные очки”]	44
[▶ “Дороги в ночи”]	48
[▶ “Семейная жизнь”]	53
[▶ “Защитные цвета”]	62
[▶ “Галоп”]	72
[▶ “Галоп”]	79
Глава 2 Любовь и семья	89
[▶ “Скрытые сокровища”]	95
[▶ “Дополнение”]	111
[▶ “Константа”]	120
[▶ “Императив”]	126

Глава 3	Карьера и деньги	151
	[▶ “Иллюминация”]	156
	[▶ “Душа поет”]	174
	[▶ “Неписанные законы”]	186
	[▶ “Повторный визит”]	199
Глава 4	Зрелый возраст	215
	[▶ “За стеной”]	218
	[▶ “Сердце на ладони”]	245
	[▶ “Иностранное тело”]	260
Глава 5	Смерть и вечная жизнь	275
	[▶ “Прикосновение руки”]	283
	[▶ “Если ты где-нибудь есть...”]	291
	[▶ “Максимилиан Кольбе”]	298
	<i>Послесловие</i>	321
	[▶ “Константа”]	324

Предисловие

Название “Жизненные стратегии”¹ я использую всякий раз, когда меня приглашают прочитать лекцию, а чаще цикл лекций на столь широкую и неопределенную тему, как жизнь. Я уже человек старый, хотя не чувствую и не понимаю этого. За моими плечами три четверти века и позади, несомненно, самое главное: детство, молодость, учеба, профессиональная карьера, создание семьи, путешествия, политическая и гражданская активность. Все это еще не подошло к концу, но я не жду никаких революционных переворотов, кроме того, что рано или поздно (хорошо бы попозже) наступит... пора умирать. Эти слова я вынес в заглавие своей предыдущей книги, которую решил продолжить. Однако это не будет “Пора умирать, часть вторая”. Там я писал о жизни и работе, немного о людях, с которыми встречался, и затрагивал проблемы, казавшиеся мне важными. Сегодня я похожим образом выстраиваю свои авторские лекции в разных частях света. Не звучит ли слово “лекции”

¹ На польском книга выходила под названием *Strategie życia czyli jak zjeść ciastko i je mieć* (“Жизненные стратегии, или Как съесть пирожок, чтобы он остался цел”). — *Здесь и далее примеч. пер.*

слишком серьезно? Скорее, это беседы, как правило, иллюстрируемые фрагментами моих фильмов. Эти киноцитаты не дают представления обо мне как художнике — напротив, разрушают целостность того, что я стараюсь создавать в искусстве. Я мог бы использовать на лекциях ленты других режиссеров, но это было бы нечестно по отношению к коллегам, поскольку такие презентации обычно портят художественное впечатление.

Общение со зрителями я считаю обязанностью, ведь если я публично высказываюсь, снимая фильмы и выступая по телевидению или радио, если пишу статьи, это значит, что я обращаюсь к людям и, когда они хотят продолжить разговор, должен пойти им навстречу. Не имеет значения, что приходится делать большие усилия, тратить много времени на дорогу, подвергаясь при этом риску, что с совершенно незнакомыми людьми не удастся установить контакт и, стоя с микрофоном в зале кинотеатра или клуба, я не смогу донести до них то, что лучше умею выражать на экране или бумаге. Каждая встреча требует мобилизации всех сил и становится определенным вызовом.

Несмотря на это, встречаясь с публикой, я не только выполняю долг, но и очень часто испытываю истинную радость, особенно когда общаюсь с молодежью. Это не самые простые для меня разговоры. Я уже весьма пожилой (пишу так, хотя совсем в это не верю), молодые обычно не знают моих фильмов, и, видя перед собой незнакомого человека, они оценивают, можно ли доверять тому, что я говорю. Оценивают, порой задавая трудные и даже бесцеремонные вопросы, а порой молча, вынуждая меня сделать первый шаг. И только если я как-то заинтересую их, спровоцирую или заставлю в чем-то убедиться, они включаются в беседу.

Большинство встреч происходит вдалеке от столицы (в которой я живу), там, куда по разным причинам неудобно добираться, и именно они оказываются самыми интересными. Люди в небольших городках чаще высказываются напрямую, без обиняков и не вставая в позу, которая в компании городских снобов нередко делает общение невыносимым. А превыше всего я ценю то, что они говорят серьезно и не пытаются вытягивать из меня забавные случаи из жизни, интригующие подробности, веселые байки и сплетни о сильных мира сего, которых я встречал на своем пути и о которых могу рассказывать, хотя эти анекдоты мало что значат.

Удачными я считаю те встречи, на которых мы беседуем всерьез, когда люди хотят вслух размышлять о жизни и рассуждают о том, что в ней имеет ценность, а что нет. Разумеется, у меня нет точных ответов, как, пожалуй, нет их ни у кого. Каждая человеческая жизнь складывается по-своему, и, к счастью, простых рецептов не существует. Возможно, рецепты вообще бессмысленны, и тем не менее полезно задумываться, разговаривать, наблюдать за судьбами других, чтобы лучше управлять своей собственной.

Я бы хотел выстроить эту книгу, опираясь на разнообразный опыт, полученный в ходе такого общения. Прошу отнестись к ней легко и снисходительно. Если хотя бы одна сформулированная здесь мысль читателю пригодится, я буду рад — значит, силы потрачены не впустую. На многое я не рассчитываю, ибо знаю, сколь многого не знаю.

Предыдущая фраза прозвучала, как цитата из Сократа. Мой друг, итальянский писатель Рокко Фамильяри, в одной своей книге написал: “Чем старше я становлюсь, тем больше уверяюсь в своей неуверенности”. Вроде бы забавно, а на самом деле страшно. Мы хотим, чтобы с возрастом

у нас прибавлялось уверенности в себе. В общем так и происходит, но при этом пространство наших мыслей постоянно увеличивается. Сомнение должно быть не целью, а средством быть начеку. Не испытывая сомнений, мы впадаем в стагнацию, рутину, бессмыслицу. А сомневаясь сверх меры, рискуем заработать психическое заболевание. Остается срединный путь, гармония, и я хочу возвращаться к ней снова и снова, делаясь с читателями соображениями и взглядами, в которых достаточно глубоко убежден. Я пишу “достаточно глубоко”, а значит, сохраняю осторожность, ибо знаю: то, что сегодня кажется мне некоей истиной, завтра может измениться. Под влиянием нового опыта я могу сформулировать мысль по-другому, а ту же самую проблему в ином ракурсе увидеть будто впервые. До тех пор пока жив разум, нужно искать более удачные определения, стараться точнее формулировать те предчувствия, из которых складывается то, что называется немодными нынче словами “жизненная мудрость”.

Я использовал два понятия: “взгляды” и “убеждения”, — пытаюсь показать, что они очень важны, в то время как прекрасно понимаю: это совсем не так. Папа римский Иоанн XXIII сказал однажды об одном своем друге: “Мы были очень близкими людьми. Правда, нас разделяли взгляды, но это не имело значения”.

Когда взгляды могут не иметь значения? В том случае, если мы разными путями, но искренне ищем истину. Если два физика не согласны по какому-то научному вопросу, разве они должны перестать дружить? Нет. Я начал с физиков, поскольку изучал эту дисциплину в университете и сохранил к ней большую симпатию. Разница во взглядах может не иметь значения даже в политике, при условии что противники не ставят под сомнение добрые намере-

ния противоположной стороны. В правительственной комиссии по культуре у меня несколько сроков подряд был оппонент, выступавший против поддержки кинематографии из госбюджета. Я полагаю, что такая поддержка нужна и полезна, она работает на благо национальной культуры, ведь только при государственной помощи могут сниматься фильмы сложные, предназначенные для более требовательных зрителей, коих не так уж много, чтобы выручки от купленных ими билетов хватило на покрытие производственных расходов. Частичное финансирование национальных фильмов принято во всей Западной Европе. Просуществовав сто лет, кино оказалось приравнено к театру и музыке, за развитие которых доплачивает любое западноевропейское государство. Мой же оппонент доказывал обратное. Но однажды мы случайно встретились в поезде и прекрасно пообщались на разные отвлеченные темы, не касаясь того, что нас разделяет.

Итак, мы умеем жить в мире, полном различных взглядов, но сам факт существования различий время от времени заставляет нас усомниться в своих убеждениях. Что же я могу предложить читателю, не гарантируя, что провозглашаемые мною взгляды — это истина в последней инстанции? Понятно, что сам я постоянно думаю о своих взглядах. Но вы? Как могут вам пригодиться размышления пожилого кинематографиста, собравшего ответы на вопросы, которые задавали ему зрители?

Что дает мне основания верить в смысл такого разговора? Я отвечаю на вопросы так полно, как только могу, иногда сбиваясь и поправляя себя в надежде, что новый ответ лучше предыдущего. Когда я смотрю в глаза слушателям, у меня складывается впечатление, что мы вступили в диалог, и тогда наступает их очередь говорить. У каждого из вас —

слушателей или читателей — своя жизнь, за вас я ее не проживу и не могу даже пытаться решать стоящие перед вами проблемы. Значит ли это, что все мои действия бессмысленны? Не обязательно. Надеюсь, я смогу помочь кому-то упорядочить собственные взгляды, придать им большую ясность. Быть может, кто-то разрешит для себя некое противоречие или, по крайней мере, задумается о нем.

Я подчеркиваю свою старость так, словно этот факт должен вызвать у читателя доверие к моей роли ментора. Тем временем старость сама по себе не гарантирует ни мудрости, ни авторитета. Однажды кто-то напомнил мне, что еще в недалеком прошлом авторитет старейшины рода был основан на состоянии, передававшемся по наследству: крестьянин по своему усмотрению передавал детям землю, мещанин при жизни определял наследника, аристократ мог без труда лишиться наследства неблагодарных потомков и, повинувшись капризу, одарить недостойного человека, если испытывал к нему симпатию. Поэтому патриарху повиновались, и демонстрировать ему уважение было в известной степени необходимостью.

Сегодня, когда имущественное принуждение стало исключением, старик может построить свой авторитет только на мудрости, то есть на суммарном опыте, накопленном за долгую жизнь. Я с грустью замечаю, что мало кто пользуется этой привилегией. Наблюдаю множество пожилых людей, которые неумны, возможно, даже больше, чем в молодости. От молодых они могут ожидать заботы, положенной слабым, но никак не уважения к своим взглядам.

Следовательно, и я, называя себя старым, не могу по одной этой причине рассчитывать на почтение. Более того, несмотря на свой возраст, я не чувствую себя особенно про-

священным. Я по-прежнему борюсь с собственной глупостью и ничтожностью, как делал это на протяжении семи десяти лет, с того момента, как что-либо помню. Я все еще спрашиваю, вместо того чтобы давать менторские ответы, и хочу, чтобы эта книга состояла из вопросов — самых простых и самых главных. А мой опыт пусть послужит примером того, что поиск ответов на них занимает у думающего человека всю жизнь.

Это вопросы “Как устроен мир?” и “Какие законы в нем действуют?” (если они вообще существуют). Попытки дать на них ответ подскажут нам, как жить, какой выбор верен, а какой плох.

Даже самый закоренелый фаталист допускает мысль, что иногда что-то зависит и от нас самих. Мы оказываем реальное влияние на происходящее чаще, чем кажется, а в ситуациях, нам совершенно неподвластных, способны, по крайней мере, решить, какую позицию занять по отношению к превратностям судьбы. Человек, страдающий серьезным заболеванием, передающимся генетически, может пытаться контролировать мысли, может выбрать способ переживания своего горя: ругать судьбу или примириться с ней, радоваться жизни или отвергать все разом. У каждого человека, независимо от обстоятельств, есть возможность принятия какой-либо жизненной стратегии, концепции самого себя, которую он будет реализовывать.

В этой книге я опишу несколько типичных жизненных стратегий, почерпнутых из моих наблюдений и опыта. Проиллюстрирую их примерами из собственной практики, а также из сценариев и фильмов, сделанных на основе подслушанных и нередко автобиографических мотивов.

Термин “стратегия” относится сегодня прежде всего к управлению и маркетингу. С ними же связано еще од-

но полезное понятие — “альтернативные издержки”. Главная сложность при совершении выбора заключается в том, что, выбирая одно, мы отказываемся от другого. Это и есть “альтернативные издержки”: мы субъективно оцениваем выгоду, от которой отказались, которую, принимая решение, упустили. В тривиальной форме эту дилемму можно сформулировать следующим образом: как съесть пирожок, чтобы он остался цел. Извечный конфликт желаний.

Самым распространенным примером этого противоречия является выбор между возвышенным, духовным и практическим, материальным. Мы хотим обладать. Хотим быть богатыми. Этого можно добиться тяжелым трудом, а можно — продав свою свободу, достоинство, честь и самоуважение. Самый легкий путь к материальному успеху — бесчестность. В этом смысле быть порядочным невыгодно, хотя мы верим, что в нравственном плане — необходимо. Честность дарит нам чувство собственного достоинства, но иногда мы стыдимся своей наивности: не воспользовались случаем, а ведь можно было извлечь из него пользу; поступили благородно, но непрактично. Мы точно высчитываем альтернативные издержки и задумываемся: а стоило ли? Может, нет, если мы чувствуем себя проигравшими?

Я хочу поделиться своими наблюдениями на эту тему, а также сомнениями, коих у меня предостаточно. И все-таки я верю, что в жизни есть шанс отыскать какие-то основы смысла или порядка. Исходя из личного опыта, я полагаю, что некие правила существуют. Искусство в том, как их применять, примерять к конкретной ситуации.

Может ли опыт других людей пригодиться нам? Разве не правы те, кто повторяет, что невозможно учиться на чужих ошибках и приходится совершать их самому? У меня

нет однозначного ответа. Конечно, ничто не заменит личного опыта, хотя как учитель (а я являюсь им всю взрослую жизнь) должен отметить значение повествовательного искусства, которым занимаюсь сам и благодаря которому мы узнаем чужие истории и приобретаем опыт других людей. Именно для этого мы читаем Шекспира и Бальзака, Чехова и Конрада (называю произвольно тех, кого очень люблю). Об этом с иронией говорил Бертран Рассел, утверждая, что не стоит повторять те же самые ошибки, ведь всегда можно совершить столько новых.

Понятие “альтернативных издержек” придает нашему выбору экономический характер, а ведь выбор не всегда касается материальных вещей. Есть люди, неустанно подсчитывающие убытки, есть и такие, кого расходы не волнуют. Первые живут осторожно, поскольку прежде всего хотят сохранить пирожок, вторые — ненасытно, жадно, буйно, они съедают пирожок и краткий миг наслаждаются его вкусом. О них можно сказать, что у них богатая жизнь, но это совсем не обязательно означает жизнь в богатстве. Бывают богачи, жизнь которых бедна и даже убога, потому что они живут скучно, неинтересно, тогда как легендарный грек Зорба из фильма Михалиса Какояниса умел жить полной жизнью, не имея ничего. И все же большинство из нас ищет середину, старается сохранить равновесие между этими крайностями, что, как выясняется, необыкновенно трудно.

Многие жизненные указания содержат в себе противоречия, сталкиваясь с которыми современный человек не может найти удачного решения. Библия гласит, что нужно потерять жизнь, чтобы найти ее. Не будет ли преувеличением сказать, что этот мыслительный конструкт напоминает дилемму с пирожком? Съесть, чтобы он остал-

ся цел. Так жаль отказываться от жизни и так сильно хочется обрести ее в какой-то улучшенной форме. Об отречении от жизни говорят не только христиане. Похожую мысль мы находим в учении Будды, в Коране и в Ведах. Как видно, это универсальная дилемма. И ее точно не решим ни я, ни вы. Ни на этих страницах, ни в жизни. Но о ней стоит думать.

Это приведет нас к другому вечному вопросу, заключенному в великой литературе, главным образом в русской (по-русски, кстати, этот вопрос звучит наиболее выразительно, и его трудно перевести на неславянские языки). “Как жить?” — вопрошают персонажи Чехова и Достоевского. “Как жить?” — спрашивает Клим Самгин, герой романа Горького. Мне довелось смотреть телесериал по мотивам “Жизни Клим Самгина” на фестивале в Монте-Карло. Снятый на русском языке, он шел с английскими субтитрами, и вопрос “Как жить?” был переведен: *What should I do?* (“Что мне делать?”). Думаю, в этом переводе отражена вся пропасть между мышлением Востока и Запада. Русский человек ставит вопрос очень широко, неопределенно, и к этому его подталкивает сам язык. Английский язык — продукт другой культуры и других взглядов. Русский вопрос касается самой сущности жизни. “Как жить” перед лицом страданий, несправедливости и зла, осознавая невозможность исправить этот мир? Англичанину нужна практическая задача — что надо делать, ибо действие для него — основное содержание жизни.

Поляки по своей природе принадлежат к культуре Запада, воспитаны в латинской традиции и должны быть ближе к англосаксам, нежели к русским братьям-славянам. Я считаю так, поскольку культурные связи сильнее, чем этническое или языковое родство. Мне особенно легко го-

ворить это потому, что по одной моей фамилии ясно: будучи поляком, я не являюсь славянином. Впрочем, мой случай не имеет значения. Я вспомнил проклятый вопрос великих русских писателей, чтобы задать его себе и вам: “Как жить?”

Можно ли в принципе ответить серьезно на столь общий вопрос? Разумеется, нет, и для меня это абсолютно очевидно. На любого, кто пробовал бы однозначно решить эту проблему, посыпались бы заслуженные издевки. Почему вдруг кто-то должен узнать то, чего веками не может понять все человечество? Не может, но ищет — и все люди, и каждый по отдельности. К этим поискам я и хочу обратиться. В нашу эпоху, полную сумбура, когда столько вещей встало с ног на голову, возможно, стоит прислушаться к некоторым жизненным наблюдениям, чтобы давать собственные, частичные ответы.

Говоря о сумбуре, я имею в виду перемены, произошедшие в Польше и во всей Центральной Европе. Это настоящая революция. В течение десяти-пятнадцати лет полностью изменилась жизнь, изменились условия, в которых мы делаем наш выбор. Изменилось ли принципиальное понимание того, что есть счастье, что наполняет жизнь смыслом? С виду — да. На нас свалилась такая огромная свобода, что мы до сих пор не в состоянии это осознать. Еще каких-то двадцать лет назад мы покупали в магазинах то, что было (и потому носили что попало), ведь чаще всего нужные вещи там отсутствовали. Сегодня же товаров столько, что выбор оказывается нам не под силу. Но мы выбираем не только одежду. Мы выбираем образ жизни (а раньше жили как придется). Выбираем политические партии и парламент. И чем больше свободы, тем больше неизвестных (когда не было стольких возможностей, люди делали то, что

могли). На фоне такого выбора вопрос “Как жить?” можно считать обоснованным и, кроме того, очень практичным. Сегодня молодым людям в Польше труднее, потому что больше зависит от них самих.

Формулируя в предлагаемой книге разные мысли, я не хочу быть один. К сожалению, у меня нет ни обширного книжного собрания, ни возможности сидеть в публичных библиотеках. Впрочем, в этом была бы некая фальшь: мне никогда не хватало времени на упорядочивание прочитанного, значит, я буду опираться на то, что помню, и то, что мне удастся найти. Сейчас, например, когда пишу о том, как много изменилось в нашей жизни (настолько, что с известной долей преувеличения можно сказать — всё), есть случай процитировать одну из любимых книг, к которым я периодически возвращаюсь. Это “Леопард” Томази ди Лампедузы. Там описана революция, приведшая к освобождению итальянских княжеств от господства французов и австрийцев и объединению Италии в целостное государство, а заодно к ослаблению роли аристократии в общественной жизни. Старый князь в “Леопарде” повторяет слова всех консерваторов: “Все должно измениться, чтобы все осталось по-старому”. Что касается нашей жизни, того выбора, который мы регулярно совершаем, наконец, счастья (что бы ни значило для нас это слово), — все в целом так, как говорит старый князь. Думаю, что, когда голова кружится от перемен, его замечание может вызвать оптимизм. Все как бы меняется, но в реальности самое главное на протяжении десятилетий и столетий подчиняется одним и тем же законам.

Вопрос “Как жить?” относится прежде всего к людям молодым. Они стоят на распутье, впервые испытывают на себе свободу, смотрят в лицо миру, о котором их роди-

тели не имели представления. Каждый шаг, совершаемый в молодости, оставляет в нас какой-то след и имеет непреходящее значение. Делая свой очередной выбор, мы постепенно приобретаем определенные привычки, учимся отдельным реакциям, и все это складывается в наш стиль поведения. Этот стиль с самого начала может быть лучше или хуже, иногда он абсолютно оптимальный, иногда просто негодный. Молодой человек в конкретных ситуациях соглашается смолчать или, наоборот, определенным образом начинает говорить о других и устанавливает границы: что позволительно, а что нет. В зрелом возрасте человек всегда может изменить стиль поведения, однако решения, принятые в молодости, довлеют над каждым, и со временем все труднее совершать радикальные перемены.

Все исповедуют, в общем, похожие принципы. Все мы — верующие и неверующие, христиане и мусульмане — принимаем десять заповедей, знаем, что есть незыблемые нормы, и учимся следовать им. Вытекает ли из заповеди “не укради” то, что нужно платить налоги и не ездить в общественном транспорте зайцем, зависит от нашего выбора; иногда мы считаем налоги несправедливыми, а иногда, не оплачивая проезд в трамвае, в своем субъективном представлении возвращаем имеющийся перед нами у города какой-то долг. Все это я назову проблемой стиля. Один человек считает, что, делая карьеру, вполне можно в присутствии начальника деликатно высказать суждение, которое потопит конкурента, а другой, не желая переходить границы честной игры, так никогда не поступит. И эти принципы формируются, пока мы молоды. В молодости мы решаем, всегда ли будем в срок отдавать книги и долги или же время от времени воспользуемся тем, что мож-

но притвориться забывчивым. В молодости определяется горизонт наших амбиций: жить сегодняшним или завтрашним днем, строить далеко идущие планы или полагаться на текущий момент.

Я отрывочно пишу о выборе, чтобы прийти к мысли, которой часто забавляю слушателей на авторских встречах. Глядя в зал, полный молодежи, я искренне признаю, что глубоко им сочувствую, ведь молодость — худший период жизни. А в утешение добавляю, что, к счастью, молодость быстро кончится, и, скорее всего, им уже никогда не будет так тяжело, как сейчас. Обычно зал взрывается от смеха, поскольку мы живем в пространстве культуры, сформированной легендой о Фаусте, где молодость предстает безусловной ценностью, в то время как она таковой совсем не является. Молодость можно назвать ценностью, говоря об организме, о теле, которое достигает вершины развития в период созревания, и именно этому завидуют старики. Но никто не хочет помнить, насколько страшными были неуверенность молодости, отсутствие знаний о мире и себе, вечная неловкость... Обо всем этом забыл даже Фауст.

Почему я так хорошо это помню? Не потому ли, что у меня молодость ассоциируется с неприятными сталинскими временами? Думаю, это слишком простое объяснение. На протяжении целых десяти лет после окончания школы я учился, не находя себе места в мире, не понимая, на что гожусь и к чему у меня призвание. Возможно, тот, у кого все было проще, не помнит этой мрачной стороны молодости. Но есть и другая, не менее темная сторона раннего периода жизни.

Все люди в молодости обещают кем-то быть. Ни о ком нельзя сказать, что он безнадежен, что в будущем из него ничего не выйдет. У самого большого неуча в классе есть

шанс прославиться: стать лучшим любовником или героическим пожарным. Страшно то, что потом мы наблюдаем на встречах выпускников. Какое количество замечательных одноклассников скатилось за несколько десятилетий! Сколько из них стали недотепами, сношенными тапками, осознающими свой проигрыш. Это та мрачная сторона, о которой молодость знает, потому что именно с точки зрения подростка взрослые выглядят компанией разочаровавшихся неудачников.

Я не отважусь поставить вопрос, действительно ли у каждого в жизни есть шанс. Существуют ли люди, обреченные на сплошные неудачи? Если учесть разницу исходных данных по здоровью, внешности, способностям, общественному положению, каждый ли может себя реализовать? А если это не получилось, сам ли человек виноват? Какую роль играет в жизни случай — пресловутая доля везения? Это то, что верующие называют действием Провидения. Невозможно не спрашивать и невозможно что-либо ответить. Собравшись с одноклассниками на юбилей выпуска, мы вспоминаем тех, кто умер молодым, кто погиб от несчастного случая, кого погубил рак. Были ли у них те же шансы, что и у нас, живущих? Виноваты ли они (так мы пытаемся создать иллюзию своих заслуг в том, что мы по-прежнему живы, поскольку не курим и заботимся о здоровье)? Думая об этом, мы прикасаемся к Тайне, если склонны согласиться, что за непониманием стоят Сила и Мысль, которым можно довериться и которые испытывают нас, но не причиняют зла. Если же не верим в них, нам остается сказать, что мы лишь игрушки в руках слепой судьбы. В любом случае очевидно: возможно, что-то и зависит от нас, но подавляющая часть находится за пределами нашего контроля.

Должна ли эта мысль, даже в своем мрачайшем атеистическом виде, парализовать нас? Стоит процитировать старый еврейский анекдот о человеке, который годами молил Бога смиловаться над ним и позволить выиграть в лотерею. В конце концов Бог разозлился и прогремел: “Дай же и ты мне шанс! Хоть раз купи лотерейный билет!”

Как ни трудно определить, сколько зависит от нас самих, а сколько — от Провидения и Благодати (с точки зрения верующих) или слепого случая, пожалуй, все же стоит дать себе труд покупать лотерейные билеты. В культуре Запада, особенно в ее англосакской форме, где превалирует *doer* — тот, кто делает, творит (*homo faber*), — не сложно поддаться иллюзии, что все зависит от того, что ты сделаешь, и поэтому вопрос “Как жить?” переводится: *What should I do?* Для людей Востока не имеет значения, что сделаешь, ибо все предрешиено Богом или слепой судьбой. А ведь полное подчинение не свойственно человеческой природе. Мы часто провоцируем судьбу и повторяем тогда: “С Божьей помощью”. Время от времени мы играем в лотерею, даже не веря, что нам благоволят некая высшая сила.

Снова противоречие. Мир полон их, а мы естественная его часть. Почему же мы не любим противоречий и непроизвольно стараемся их распутать? Почему в наших представлениях о порядке противоречию нет места? Имеет ли смысл брать на себя сизифов труд по поиску гармонии? Стоит ли начинать, не надеясь достичь цели? Я глубоко убежден, что стоит.

Какова эта цель? Ответу столь же туманно, как туманен вопрос. Целью является приведение мыслей в порядок, который никогда не будет идеален, но всегда лучше полного беспорядка. Порядок, пусть и очень несовершенный, име-

ет превосходство над беспорядком. Я верю в это, но не могу доказать, поскольку в таких общих сферах не действуют правила доказательства. Однако обращаюсь к интуиции. Она подсказывает, что человек, живущий в хаосе, терзаемый противоречивыми мыслями и чувствами, всегда несчастен, мало того, ему часто грозит разрушение психики и безумие. Порой с этим могут столкнуться люди, которым не удастся совместить принципы, привитые в семье, с совершенно противоречащими им принципами, узнаваемыми в течение жизни. Такие люди мечутся между двумя типами мышления и не знают ни что любят, ни чего бы хотели. Я верю, что труд, затраченный на постоянное упорядочивание мира мыслей и чувств (или, выражаясь патетически, мира духа), приносит прибыль в виде вклада в наше внутреннее развитие, шага на пути к счастью.

Счастье, как и истина, недостижимо во всей полноте, на постоянной основе, в совершенном виде. К счастью можно только стремиться, приближаться к нему. Именно на это должна быть направлена вся работа духа. И если, делая своим образом мыслей и чувств, я смогу кому-либо в этом помочь, то буду ощущать, что успех где-то рядом.

Абсолютного успеха тоже не существует. И слава богу, иначе что бы мы делали, добившись его? Замерли без движения? Успех непрочен и, следовательно, неидеален. Я часто думаю о людях, успех которых измерим: об ученых, совершающих великие открытия, о спортсменах, бьющих рекорды, о предпринимателях, умножающих богатства, и художниках, к которым принадлежу сам. Что объединяет людей в погоне за настоящим успехом? Думаю, осознание нереализованности. Никто и никогда не добьется всего того, к чему стремится. А если добьется, значит, планка была поставлена слишком низко.

Не хотел бы вдаваться в рассуждения о взаимосвязи успеха и счастья. В юности я с горящими глазами читал книгу “О счастье” профессора Владислава Татаркевича¹. Приводя множество разнообразных определений счастья, выдающийся философ создал настолько ясное и понятное руководство, что, хотя сегодня я не помню и половины, ни в коем случае не позволю себе говорить о счастье как вещи очевидной.

Очень часто приходится встречаться с примитивными взглядами на то, что для любого человека должно быть в жизни самым главным. Как жить, чтобы достичь состояния, которое я считаю лучшим из возможных и доступных мне состояний? Выше уже прозвучал один совет: искать гармонию в хаосе, порядок в беспорядке. Универсален ли этот совет? Не знаю. Когда я задумываюсь о нем, мне кажется, его нельзя оспорить. Гармония и порядок, единство мыслей, чувств и действий — это условие, увеличивающее наши шансы прожить жизнь хотя бы относительно успешно. Успешно, то есть счастливо.

Спрошу еще раз: у каждого ли человека есть шанс на успешную жизнь? Рационального ответа нет, равно как и возможности провести на эту тему исследования. Наблюдая за жизнью, мы невооруженным глазом видим, как много людей производят впечатление неудачников (возвращаясь к мотиву “стоптанных тапок”). Но действительно ли их жизнь не удалась и в каком смысле? Если смотреть на субъективную оценку, на то, что очень многие недовольны жизнью, мы окажемся на тонком льду, ведь, возможно, эти люди ошибаются. Называют свою жизнь неудавшейся,

¹ Владислав Татаркевич (1886–1980) — философ, эстетик, историк и теоретик искусства. Над одной из своих главных книг “О счастье” работал с 1918 по 1947 г.

в то время как нет поводов для того, чтобы она стала лучше. Возможно, у них были завышенные ожидания. Но какие — от себя или от судьбы? Если человек уверен, что ему что-то причитается, и не получил этого, он прав или ошибается? Кто убедил его в этом? А что можно сказать об ожиданиях от себя самого? Если кто-то генетически унаследовал короткие ноги и коренастую фигуру, но хочет быть высоким и худым, ему трудно сочувствовать, поскольку его хотение совершенно необоснованно. А если человек рождается слабым и больным, имеет ли он право всю жизнь обижаться на мир (или на Создателя, если верит в него)? Предлагаю сойтись на том, что все появляются на свет с определенным багажом возможностей — физических, духовных, интеллектуальных, эмоциональных (можно перечислять дальше). Жизненный потенциал у каждого человека свой, и если мы хотим трезво рассуждать о самореализации (или нереализованности), то должны понимать: уровень наших достижений зависит от возможностей, и оценивать его следует, помня, что мы получили на старте.

Грубоватая поговорка гласит: для сельской местности сойдет. Более жестокую шутку использовал в одном своем фильме Вуди Аллен. К психиатру, излюбленному герою Аллена, приходит пациент, страдающий комплексом неполноценности. Врач проводит с ним целый ряд вдумчивых бесед и наконец делает заключение: “У меня хорошая новость: у вас нет комплекса неполноценности — вы просто неполноценны”. Люди, недовольные жизнью по той причине, что хотели бы жить иначе, глупы, и им даже трудно сочувствовать. Вспоминается анекдот об арабском шейхе, который, опечалившись, сидит в своем гареме в окружении прекрасных жен. “О чем ты мечтаешь? — спрашивает одна из них. — Вокруг тебя собрались все красавицы это-

го мира”. А грустный шейх отвечает: “Мечтаю о другом гаване!” Сложно посочувствовать шейху, так же как сложно помочь тому, кто не в состоянии определиться со своими желаниями.

Оценивая самих себя, мы можем совершить две ошибки: себя можно переоценивать или недооценивать. Если из-за ошибочной самооценки мы поставим планку слишком высоко, то, сбив ее, будем переживать; если же она была слишком низко, это тоже обидно, ведь понятно, что мы могли прыгнуть выше. Из противопоставления двух неправильных оценок следует простая житейская мудрость, к которой я и веду. Человеку для жизни необходима правда. Правда о себе самом и о мире, в котором мы живем. Кто не ищет правду, проигрывает. Вся правда не открывается никому, однако очевидно, что одни люди находятся ближе к правде о себе, а другие — дальше. И поэтому я возвращаюсь, будто к рефрену, к словам о молодости. Это худшая пора жизни, поскольку именно тогда нам труднее всего понять, какие же мы на самом деле. Если, читая эту книгу, вы задумаетесь над тем, кто вы такие и ощущаете ли то, что мы приблизительно называем счастьем, я могу считать, что запись сохранившихся в памяти фрагментов разных встреч имела смысл.

Некоторые высказывают мнение, что счастье — это сумма испытанных человеком удовольствий. Довольно солидная формулировка философского характера, хотя, с моей точки зрения, легкомысленная и обманчивая. Молодежь выражается проще: в жизни по-настоящему важны лишь наслаждения, стоит делать только то, что дарит приятные ощущения.

Не могу согласиться с этим мнением, Впрочем, не собираюсь и отрицать, что наслаждение — вещь чрезвычайно

желательная, и нет причин его сторониться. Существуют разные виды удовольствия. Можно без труда назвать приятным подъем на заснеженные горные вершины, преодоление себя, выполнение благородных обязательств, получение заслуженных наград. Благом является сексуальное наслаждение, благо — это и великолепный вкус еды или напитка, особенно когда содержащийся в нем алкоголь улучшает наше самочувствие. Почему же тогда удовольствие не может быть благом абсолютным? Думаю, потому, что большее благо — свобода. Особенность удовольствия в том, что можно легко стать его заложником. Успех, страсти делают нас зависимыми, и мы утрачиваем свободу управления собой. Человек, сконцентрированный на получении удовольствия, несвободен и, следовательно, несчастен. Он теряет из виду более важные ценности.

Крайний пример жизни ради наслаждения — наркотики. Попадая в организм, они дарят человеку сильнейшие внутренние переживания, едва сравнимые с высочайшими достижениями духа и плотскими радостями. Если признать удовольствие высшей ценностью, нет причин отказываться от наркотиков. А то, что они обрекают на раннюю смерть, не имеет значения. Ценой продолжительного удовольствия человек может примириться с относительно короткой жизнью, тем более что наркотическое переживание воздействует на субъективное восприятие времени и растягивает его так, что одна минута превращается почти в вечность. Почему же тогда наркотики — зло?

Какой-то инстинкт подсказывает нам, что жизнь в непрерывном наркотическом опьянении — это иллюзия. Но обязан ли человек жить с ощущением правды? И снова интуиция говорит: да, мы должны жить, уважая реальность мира. Но откуда берется и что значит эта интуиция?

И не трактуем ли мы ее произвольно, когда ставим умирающему в муках человеку капельницу с морфием?

Рассуждения о наркотиках неизбежно приводят к вопросу, имеет ли человек право распоряжаться своей жизнью. Светское общество не осуждает самоубийства, с чего бы оно стало запрещать наркоману медленно убивать себя? Руководствуясь только гуманистическими предпосылками, мы можем говорить о необходимости биологического выживания людей (а значит, и человечества), но ведь мы знаем, что планета может без нас обойтись. Верующие, воспитанные в христианских ценностях, ссылаются на естественное право, то есть на интуицию, общую для всех. Многие другие, кому чужда эта традиция, сомневаются, насколько реально естественное право. В учении Дарвина есть понятие инстинкта, требующего сохранять вид, защищать свои гены. Может быть, нужно подключить этот аргумент, чтобы рационально объяснить, почему бегство в мир иллюзий и медленная смерть организма, вызванные постоянным присутствием в нем химических веществ, — это зло. В риторике католической церкви, особенно в выступлениях папы римского Иоанна Павла II, часто встречается отсылка к цивилизации жизни, которая уважает действительность, и к цивилизации смерти. Видя физическую и духовную деградацию наркоманов, можно воочию убедиться, что это на самом деле смерть и обман. Здесь надо остановиться и задуматься, действительно ли аристотелевская триада Истина, Добро и Красота — абсолютные ценности, хоть из наших наблюдений и не следует, что мы когда-либо придем к одному из этих недостижимых идеалов.

Задумаемся также над понятием смерти. Недавно мне попался текст албанского писателя-диссидента Фатоса

Любони, где он вспоминает, как в годы диктатуры сидел в тюрьме со священником по имени Франко, которого сначала приговорили к смертной казни, а потом помиловали и заменили приговор на двадцать пять лет заключения. Автор, будучи атеистом, удивился, что священнослужитель признался в шпионаже в пользу Ватикана и, таким образом, избежал смертной казни. Писатель обратился к нему: “Ты веришь в Бога, в загробную жизнь и в то, что попадешь в рай, но зачем ты признал ложное обвинение? Разве казнь не была для тебя кратчайшим путем в рай?” Священник ответил: “Христос тоже, прежде чем его распяли, молился в Гефсиманском саду своему Отцу, чтобы тот избавил его от мук на кресте”. Священник Франко Илия выжил и до самой смерти в 1997 году был архиепископом Албанской католической церкви. Однажды я мимолетно познакомился с ним. Тогда я еще не знал о его беседе с Любоней в тюремной камере, но, даже если бы знал, не решился бы задавать ему каких-либо вопросов.

История христианина, который хотел избежать смерти, наводит на мысль об исламских террористах, способных жертвовать жизнью за веру, совершая нападения на “неверных”. Американский президент назвал теракт в Нью-Йорке трусливым поступком. Думаю, он ошибался. Если человек отдает жизнь за некое дело, это не может быть актом трусости, хотя, будучи потенциальными жертвами подобных атак, мы испытываем отвращение к террористу-смертнику, погибающему только затем, чтобы умертвить как можно больше представителей другого клана или последователей другой веры. Цели, преследуемой террористами, несложно дать нравственную оценку, однако хочется приглядеться к этим людям, которые с такой, казалось бы, легкостью отказываются от жизни. Чем они отличаются

от отца Кольбе¹, пожертвовавшего собой ради другого человека? Верны ли наши подозрения, что их сознание неполноценно, что им неведомы ни человечность, ни истинная вера, поскольку это фанатики? Пожалуй, нам не обойтись без размышлений о том, что мы интуитивно называем полной жизнью, полноценным сознанием, полноценной человечностью. И тогда придется задуматься, что вера веро рознь. При этом нельзя поддаваться искушению кого-либо судить, но необходимо судить самих себя. Это серьезная проблема, и я не знаю, смогу ли помочь разобраться в ней, а разрешить ее невозможно.

1 Максимилиан Кольбе (1894–1941) — польский католический священник-францисканец, который добровольно пошел на смерть в Аушвице вместо одного из приговоренных. Этот факт лег в основу фильма Занусси “Жизнь за жизнь. Максимилиан Кольбе” (1990).

Глава 1

Детство, безгрешное, вешнее. Молодость...

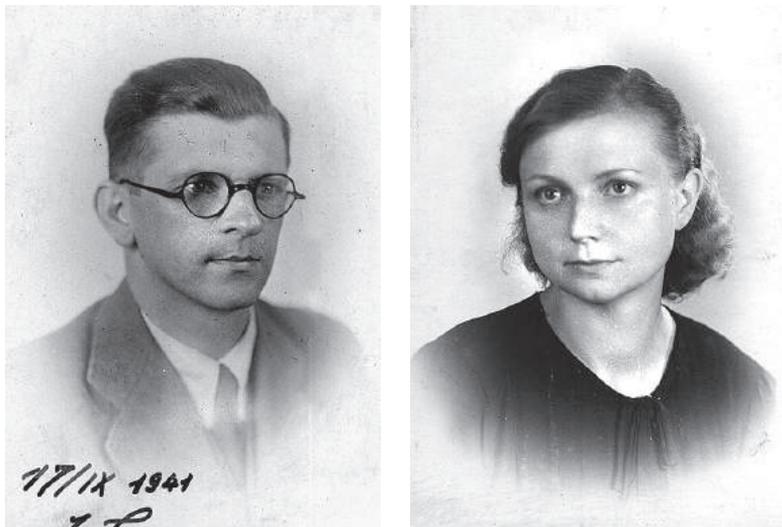
“Я родился...” Так начинается любая биография, хотя эти слова избыточны, ведь если я пишу, значит, живу, а если живу, то должен был родиться. Я родился за три месяца до начала войны. Это было настолько давно, что сегодня необходимо уточнить: до Второй мировой войны, а не Корейской или, например, Балканской. Рассказывая об этом в России, ссылаться на войну не имеет смысла. Для жителей бывшего Советского Союза она началась в 1941 году, причем была не мировой, а отечественной, как будто не было никаких союзников, Западного фронта и программы ленд-лиза. Место рождения диктует определенную историческую перспективу. Существует ли в истории одна объективная правда? Недавно на открытой встрече в рамках Польско-российского форума гражданского диалога посол Российской Федерации категорично заявил, что поляки и россияне никогда не придут к согласию во взглядах на историю. Думаю, посол высказался в духе постмодернистского релятивизма, исходя из того, что правды не существует. Я же, напротив, хочу верить в то, что она

есть, хотя ни у кого нет на нее монополии. Спустя годы мы с немцами пришли к похожему представлению об истории. Может быть, с россиянами это тоже когда-нибудь произойдет?

Предвоенный июнь. Варшава, район Средместье. Я появился на свет в больнице то ли на улице Познаньской, то ли на Эмилии Плятер. Мы поселились на углу Иерусалимских Аллей и улицы Панкевича, в съемной квартире, где расположилась также контора отца. У него была строительная фирма, выполнявшая заказы при сооружении Главного вокзала, находившегося напротив нашего дома, на месте сегодняшнего здания железнодорожной станции Варшава-Средместье.

Помню руины Главного вокзала сразу после войны: многоэтажный портал, от взрыва накренившийся в сторону Маршалковской улицы. Должно быть, это было внушительное здание, если даже после разрушения оно производило огромное впечатление. А может, просто я был маленький, и поэтому мне все казалось таким большим? Наверное, каждый человек хранит в памяти пейзажи из детства, казавшиеся намного более просторными, нежели увиденные по прошествии лет взрослыми глазами.

Пытаясь шутливо начать свою биографию, я обычно говорю, что родился зажиточным младенцем. По рассказам, мне выделили отдельную комнату, куда можно было заходить только в белом фартуке, чтобы не занести микробы. У меня была няня: я был поздним и, по всей видимости, очень желанным ребенком, о котором чересчур заботились. Уже тогда, по воспоминаниям, я обладал мощным голосом, сопутствующим мне всю жизнь и приносящимся в той же степени, что и высокий рост, то есть весьма спорадически. Если на съемочной площадке нужно крикнуть

Отец, Ежи Занусси, и мама, Ванда Занусси, 1941 г.

что-то без микрофона, чтобы все услышали, я вызываюсь добровольцем.

Мое детство начиналось в роскоши, но уже в сентябре на Варшаву стали падать бомбы, и чрезмерной заботе о гигиене пришел конец. Когда перестал работать водопровод, мама над свечой кипятила в ложечке воду из лужи, и, полагая, благодаря этому у меня не бывает аллергии.

Несколько слов о родителях и родственниках, а шире — об истории. С тех пор как я женился на Эльжбете, знающей своих предков более чем за тысячу лет, я стараюсь раскапывать собственные семейные корни, однако в лучшем случае могу говорить о Венеции XVI века. История рода Занусси связана с небольшим замком в северной провинции Италии Порденоне, во Фриули. (На протяжении ста лет он принадлежал нашим родственникам: они его не строили, но и не смогли сохранить.) Кроме того, в Зальцбурге

С папой, 1941 г.

жил художник эпохи позднего барокко по фамилии Занусси, маленькая картина которого висит в венском Бельведере прямо у входа, с левой стороны.

Затем мы переносимся во времена Габсбургской монархии, когда мои предки участвовали в строительстве железной дороги, тянувшейся от Триеста до Вены и дальше через Краков в столицу Галиции Львов, который немцы называют Лембергом, а итальянцы Леополи. Так моя семья поселилась в Польше. Но все это по линии отца. История рода матери (урожденной Невядомской) быстро обрывается. Дедушка Александр родился в Сибири, судя по всему, в семье ссыльных повстанцев 1863 года. Рано осиротев, он будто бы пешком добрался до Европы: три года шел по железнодорожным путям, попал в Петербург, стал рабо-

тать обойщиком и позднее открыл мастерскую, а по семейному преданию — маленькую мебельную фабрику. После революции у него уже был филиал в Варшаве (открыться он должен был раньше, поскольку мама родилась в Варшаве в первом десятилетии прошлого века и, к слову, дожила почти до ста лет).

На встречах со зрителями я охотно рассказываю семейные легенды. Мне как сценаристу легко придумывать детали, придающие событиям драматизма. Красивая история предков добавляет нам чужой славы, хотя, в сущности, это нонсенс, ведь в том, чего добились другие, нет никакой нашей заслуги. И в то же время перед нами стоят определенные обязательства, если предки установили стандарты поведения, обозначили, к чему стоит стремиться, доказали уважение к тем ценностям, которые мы разделяем.

Меня искренне забавляет и одновременно печалит снобизм тех, кто пытается повысить самооценку, подчеркивая свое благородное происхождение и аристократическое родство, греясь в лучах славы предков. Это реакция на продолжительное социальное давление в эпоху Польской Народной Республики (сокращенно — ПНР), когда людей заставляли поверить, что традиция не имеет никакого значения, что ее нужно вычеркнуть из памяти. Похожие процессы происходят и за океаном. В США изучение семейных корней вошло в моду лишь в 1960-е годы и до сих пор не закрепилось в американском менталитете. В мире, где чистильщик обуви может стать миллионером, об истории можно забыть.

А о чем стоит помнить? О том, что мы носим в себе гены предков и в чем-то на них похожи, что судьбы и конфигурации чувств повторяются в семьях, подобно стилистическим фигурам. Обратившись к истории двоюродных